

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК БЕЗ БИОГРАФИИ	8	КРЕСТНЫЙ ХОД В ДЕРЕВНЕ БЁХОВО	135
БЕГ ПО ПОЛЮ	11	СКАНДАЛ В МАЛЕЕВКЕ	141
ТАМ ЛИ РОДИЛСЯ?	11	НАСЛЕДНИКИ БУНИНА	147
РОКОВОЕ ПИВО	17	ОТЩЕПЕНЕЦ	151
“ВОЗДУХ БЫЛ КРАСНЫМ”	19	КНИГА С ПУРГЕНОМ	154
ЖИЛЬНЫЕ СТРУНЫ	22	“ПЛОХО МНЕ, ТАМАРКА!”	159
ЧУДО ОСЕЧКИ	27	СКРИП ЖЕРНОВОВ	165
ГАЗЕТА С ДЫРОЙ	34	“ВСЕ КИНОШНИКИ — ПОДОНКИ!”	171
ДЕНЬ ПЕРЕМЕН	37	ТЁМНО-КРАСНЫЙ ШАРФ	173
ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ	40	ПОСЛЕ ПАСТЕРНАКА	177
НА ЛЕСТНИЦЕ ЛИТИНСТИТУТА	42	КОЙДА И МАЙДА	180
ОТПРАВЛЕНИЕ С ПОЛУСТАНКА	50	РОЯЛЬ В ЛЕСУ	186
СМЕХ РУСАЛОК	57	МАРФИНО И МАРИНА	191
КОЛ И КОЛОТУШКА	62	ВЫ НЕ ТУДА ПОПАЛИ	197
СОНЯ СПИНОЗА	64	СОБАЧИЙ ДЖАЗ	201
СТРАННИК БЕЗ ГЛАЗА	66	СКАЗИТЕЛЬ JURKI	206
“ДЕВУШКИ ВСЕГДА ВОЗБУЖДАЛИ МЕНЯ УЖАСНО”	70	ВРУН НА КОРАБЛЕ	210
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ	72	“ТЫ ЧТО ПОТЕРЯЛ, МОЯ РАДОСТЬ?”	215
РОЗОВАЯ ЛОШАДЬ	82	ПАЙЩИКИ	217
ПОДАРОК ПАУСТОВСКОМУ	85	ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ СЫЧЁВКИ	235
“Я ЧЕЛОВЕК РУССКИЙ, КОНЕЧНО... ИЗВИНИТЕ!”	88	БУРАТИНО С МЕДВЕЖОНКОМ	240
ОРАТОР С КОНЕФЕРМЫ	91	“ИЛИ Я, ИЛИ ШЕКСПИР”	244
“НЕЛЬЗЯ БЫТЬ БЕЗНАКАЗАННО СЧАСТЛИВЫМ”	96	НА ЗАКАТЕ МИРА	248
ТАЙНА КЛАВИШ	100	“КАКОЕ БЫ ЗЛОЕ ДЕЛО НИ ПРОИЗОШЛО В ЛИТЕРАТУРЕ, ВСЕГДА КОРНИ ЕГО ТАЯТСЯ В СП РСФСР”	252
ПЕНА НА УСТАХ	108	ПОСЕРЕДКЕ	257
В ОЖИДАНИИ ТРОЛЛЯ	110	ПУТЁМ ЗЕРНА	259
ВАГОНЧИК С МОЩАМИ	113	“НИЧЕГО НЕТ И НЕИЗВЕСТНО”	266
ПЕСНЯ НАД ВОДОЙ	115	ПОД ОР МЕТЕЛИ	270
ДУРАЦКИЙ ДИПЛОМ	119	ПОСОБНИК РЕЙХА	276
“ЧЕЛОВЕК ПОТЕРЯЛ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК”	121	ПОБЕГ С ЕВТУШЕНКО	284
ЧЕМПИОН ПО ОТКАЗАМ	125	“ГАД, ЧЕГО ПОД РУЖЬЁ ЛЕЗЕШЬ?”	293
ДИКИЕ ВЁРСТЫ	129	ИЮньСКИЙ ЛЁД	307
ИСКЛЮЧИТЬ И ПРИНЯТЬ	132	“СНОВА ПРИШЁЛ ОХОТНИК С РУЖЬЁМ И ДРОБЬЮ”	311

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ СВЕЛО	316	ЖДАЛЬ-ЖДАЛЬ	526
ДИКТАНТ СЕБЕ	324	ВЫСТРЕЛ	530
“ЮРКА, КАК ТЫ СЕЙЧАС В ГРЕНЛАНДИИ?”	332	КАК ПОДОЙТИ К ЖЕНЩИНЕ	538
КИНО С ЗАПАХАМИ	341	КОСМИЧЕСКИЙ ДИКАРЬ	543
ЧУЖОЙ РОМАН	346	ДЕЛО ТАБАК	549
ИСТОРИЯ НЕСТОРА	361	В УГОЛ, В ЛАПУ, ОХЛУПЕНЬ...	553
“МНОГОЕ ПОЖЁГ”	370	КРЕСТ НАД БОЛОТАМИ	556
СТРОИТЕЛЬ ДЫМА	381	СЫН ВО СНЕ	565
СПАСИТИ СТАРИНУ	387	ХРОМОЙ БАРИН	568
ГОЛОС ИЗВНЕ	399	“ДО МЕНЯ ДОТРОНУЛСЯ БОГ!”	574
“Я СРАЗУ — К ТОЛСТОМУ”	402	ВСТРЕЧА СО СТАРЦЕМ	579
ПИСАТЕЛЬ У МИКРОФОНА	406	“НЕ ПОКУПАЙ СОБАКУ!”	583
РУССКИЙ В ПАРИЖЕ	414	АРМРЕСТЛИНГ С ТРИФОНОВЫМ	587
СВИДАНИЕ РОССИЙ	420	ЗАТВОРНИК И ПАЛОМНИКИ	591
“ЕЛ Я, БРАТЦЫ, ЛЯГУШЕК”	431	“ТАК КУДА ЖЕ НАМ СВОЗИТЬ КАЗАКЕВИЧА?”	595
“И ВЗДОХ МОЖЕТ ПРОНЗИТЬ...”	438	“НЕ В ЭТИМ ДЕЛО!!”	601
ТОКОВАНИЕ ТООКИ	443	РУССКИЙ ФЛАГ	607
“ЧТО Я ОТВЕЧУ СЫНУ?”	447	ВЕНИЧКИН КОКТЕЙЛЬ	610
ГУДБАЙ, КЭП!	450	“У МЕНЯ МНОГО СОСОЧКОВ”	618
КАК ОН БЫЛ ДИССИДЕНТОМ	453	БОЛЬНИЧНОЕ РАСПЯТИЕ	623
СМЕРТЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ	472	ОБКРАДЕННЫЙ ДОМ	628
“ПУСТЬ ТЕРПИТ”	479	“ВОТ, ВАНЯ, ЖИЗНЬ-ТО КАКАЯ!”	633
СКАЗКА О СТАЛИНЕ	484	ДВЕ ФИГУРЫ В ДВЕРНОМ ПРОЁМЕ	637
“ТЕПЕРЬ УЖ Я НЕ БОЮСЬ ЛЕТАТЬ”	491	“ШАЛИШЬ!”	641
КАНДИДАТ НА НОБЕЛЕВКУ	495	ПОСЛЕДНИЙ ФИЛЬМ	646
“НЕУЖТО ТЫ ВСЁ ЭТО ЗАБЫЛА?”	502	ЧЁРНЫЙ ПАЛЕЦ	653
А БЫЛ ЛИ ДАНТЕ?	506	“А Я ТАКОЕ ОПИСАНИЕ ДОЖДЯ СДЕЛАЛ!”	659
ТУДА, ГДЕ ПРАВЕДНО	512	НЕЗАПНЫЙ МРАК	663
КОГДА ОБАРЫВАЕТ ВЕЧНОСТЬ	519	РЯДОМ С ДЕТЬМИ	668
ПОЧЕМУ “НАШ СОВРЕМЕННОК”?	524	“БЫВАЙ ЧАЩЕ У МЕНЯ”	669
		ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЮРИЯ КАЗАКОВА	675
		ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	683
		БЛАГОДАРНОСТЬ	685
		ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	687

ЧЕЛОВЕК БЕЗ БИОГРАФИИ

Однажды, совсем юным, я услышал, что у писателя Юрия Казакова где-то в лесу в деревянном доме оставались рассказы, и другие бумаги, и плёнки с какими-то беседами, но всё это сгнило — залито водой, сгорело, украдено...

Помню, огорчился и в ту же минуту вообразил: пропавшее можно отыскать. Вот было бы открытие! Я представил, как пробираюсь зарослями к заколоченному дому или выхожу на след кем-то унесённого.

Вообще-то так и случилось.

Надеюсь, вся эта книга — открытие.

На каждой странице.

Открытие — Казакова.

Нашлось столько неизвестного! Потерянная проза, исповедальные дневники и пронзительные письма, забытая на полвека кинохроника, редчайшие аудиозаписи, сохранившие голос Юрия Павловича...

За годы работы над этой книгой мне повезло исследовать горы рукописей, получить архивы из стольких рук, встретиться со столькими, кто его знал и кто поделился уникальными воспоминаниями. И по странствовать — по казаковскому следу. От калужской деревни Марфино до архангельской Лопшеньги...

При слове “Казаков” иной читатель, даже просвещённый, особенно из молодых, наморщит лоб, вспоминая, кто это.

Но много ли о нём знают и те, кто его ценит? Почти ничего...

До того как приняться за книгу, я тоже имел скудные представления о Казакове. Мне казалось, с ним ничего такого не происходило — человек без биографии. Жизнь без особых потрясений. Не сидел, не воевал, не протестовал. Много пил, писал прозрачные рассказы, надолго замолчал и умер. Распался в тени.

Конечно, думая о нём, готовишься к погружению в студёные глубины, в сумрак уединённости, когда за отсутствием спецэффектов скрывается тайна, которая чувствуется в каждой строке. Он и сам говорил, что сокровенный сюжет гораздо важнее закрученной фабульности и что можно “прожить жизнь, бедную внешними событиями”, но “возвыситься до выражения эпохи”.

Про эпоху, между прочим, — отдельная мысль. Парадокс постороннего. Человек не окрашен никаким цветом, и через него особенно различимо время в лицах и приметах. Это точно подходит Казакову, потому что, вбирая и порождая столь многое, он умудрялся сохранять обособленность.

При этом оказалось, что тихий образ никак не исчерпывает его биографию. Казаков снова и снова, порой помимо своей воли, становился знаковым героем ключевых событий. Исторического и социального, лихого и остросюжетного хватало с избытком.

В конце концов, убедился я, кто, как не он, позволяет разносторонне разглядывать эпоху.

Дитя Арбата с избяной душой, он был у истоков городской и деревенской прозы. Звезда поколения шестидесятников, новый европеец, в чьей литературе — свобода личности и джазовые ритмы. И он же — почвенник, молившийся на старую Россию, защитник поруганных святынь, певец простонародья.

С дебютного рассказа — классик. И самозванец, которого изничтожали рецензиями и запретами. Изрешечённый сотнями очередей “автоматчиков партии”. Литературный крестник поэта-сталиниста Журавлёва и лидера оттепельных либералов прозаика Паустовского. Но и обидно отвергнутый в двух главных журналах оттепели — в “Новом мире” Твардовским и в “Юности” Катаевым.

Утачивший Евтушенко от кремлёвской опалы в тайгу. Близкий Трифонову и Белову, Аксёнову и Астафьеву, Окуджаве и Солоухину, Галичу и Распутину, Вознесенскому и Абрамову — и никому из них. Хлопнувший дверью в журнале “Молодая гвардия”, верный автор журнала “Наш современник”. Заступник диссидентов, обложивший их отборной бранью. Понукавший Домбровского написать главные книги. Сосед и собутыльник Венедикта Ерофеева. Тот, кого так хотел видеть рядом с собой Солженицын.

Мечтавший о Париже и посетивший его, но прежде всего для встречи с родиной — стариками-изгнанниками бунинского круга.

Может быть, всё дело в том, что Казаков — русский через край. В его судьбе с какой-то поразительной зримостью явлена гениальность и гибельность русского человека.

А может быть, размышляя о нём, надо винить и благодарить его стихийный дар, непостижимую “музыку сфер”, вольно протекавшую сквозь него.

Казаков — лучший рассказчик в России второй половины двадцатого века.

Но и здесь одни противоречия! Большой писатель малых форм. Традиционный и вызывающий, в чьих сочинениях — ангельский язык

и inferнальный излом, напряжённый драматизм и тонкий подтекст, резкость деталей и приглушённость красок.

Человек одновременно книжный и варварский, одержимый литературой и внелитературный, как бы случайный...

Во всём он разный! Сумрачный и солнечный. Сердитый и сердечный. Жестокий и жертвенный.

Он был очарован Севером, и изводился им. Был крайне скуп, но и безоглядно щедр в поддержке всяких, даже незнакомых, даже разнополусных талантов. Жарко любил, но с болезненным наслаждением губил любовь. Желал создать семью, но, создав, отринул. Долго искал дом, но, обрета, проклял. Боготворил жизнь и тяготел к смерти.

Он прогремел на весь мир, хорошо зарабатывал, собирался отхватить Нобелевскую премию и бедствовал в прижизненном полузабвении.

Одержимый успехом и поражением. Восхвалявший себя и уничижавший. Сделавший себя и себя разрушивший.

Глуховатый музыкант. Поющий заика.

Чего в нём больше? Что остаётся? Что настоящее?

Одиночество.

Человек раннего ухода, навсегда в литературе и навсегда “недо”, и это особенно больно.

Недописавший, недоживший...

А всё же сбывшийся.

Огромное поле, на котором две группы людей: плачущие женщины с детьми и мужчины, выстроенные в ряд под охраной других мужчин с собаками. На насыпи — буро-красные вагоны-теплушки.

Мать близоруко щурится и спрашивает сына: видит ли он папу. Мальчик видит, отец тоже находит их глазами, улыбается, машет рукой, но непонятно, почему им нельзя друг к другу.

Вдруг по толпе проносится гул: “Детям можно! Детям можно!”, и вот уже несколько мальчиков и девочек бегут по полю. Мать говорит, волнуясь:

— Беги, сыночек, к папе скорей, скажи, что мы его ждём!

Он срывается и мчит со всех ног...

Маленький мальчик бежит по огромному полю.

Он бежит к отцу.

Он соскучился, они давно не виделись, он ждёт, что отец обнимет, возьмёт на руки, прижмёт. Отец всё ближе, кажется, чувствуется родной запах, но лицо его становится растерянным и несчастным, начинается какое-то волнение, бешено лают собаки, грубо кричат мужчины в гимнастёрках, а другие мужчины, среди которых отец, садятся на корточки, руки за голову.

Перед мальчиком с громовым лаем распахивает пасть гигантская овчарка. Совсем близко её мокрые клыки, длинный язык. Сейчас она вцепится ему в лицо... Собаку оттягивает человек в форме, другой рукой хватает мальчика за шею и бьёт сапогом. Это ужасно больно — удар в копчик, — мальчик летит кубарем, вскакивает и бежит обратно, через всё цветущее поле, к маме, неразличимой в слёзном тумане, и почему-то улыбается.

Откуда-то он знает, что надо улыбаться. Он улыбается дерзко, блаженно, ободряюще. Эта улыбка для мамы, и для всех, и для себя самого.

Он бежит от отца, улыбаясь сквозь слёзы.

Когда Юра добегает до мамы, он уже заика.

Пройдут годы, и он признается: “Я стал писателем, потому что был заикой”.

ТАМ ЛИ РОДИЛСЯ?

“Дети Арбата” — можно сказать, мем.

Знаменитый роман жившего здесь до самого ареста Анатолия Рыбакова, в центре которого судьбы жертв репрессий, преимущественно

интеллигенции. Другой местный обитатель Булат Окуджава воспел “арбатство, растворённое в крови”.

Арбат не просто улица, но символ и миф в известной радикальной попытке воспринимать литературу разделённой этически, эстетически и даже этнически.

Для одних, настроенных “прогрессивно”, это как бы духовная родина, место света и тепла; для других, “почвенников”, — чуждое пространство, вызывающее раздражённую насмешливость.

Среди вторых поэт Станислав Куняев, создатель коллективного образа арбатских жителей, по его мнению, космополитической элиты раннего большевизма:

Радуюсь, что не возрос на Арбате,
Что обошло мою душу проклятье,
Радуюсь, что моя Родина — Русь —
Вся: от Калуги и аж до Камчатки,
Что не арбатских страстей отпечатки
В сердце, а великорусская грусть!..

Положение Казакова в этой распре особое — он ломал шаблон.

Казаков любим “русской партией” и лично Куняевым, к которому хорошо относился. Но житель дома 30 мог повторить и за близким ему Окуджавой, жившим в детские годы в доме 43, наискосок:

Я — дворянин с арбатского двора,
своим двором введённый во дворянство.

Казаков говорил об арбатской общности и избранности (“даже население иное” по сравнению с остальной Москвой), об особом явлении двора и о том, как круто быть самым центровым: “Мы считали, что мы лучшие ребята в мире! Родились не только в Москве, в столице нашей Родины, но и в «столице Москвы» — на Арбате. Мы друг друга называли земляками”.

В стихотворении 1953 года о месте возрастания и соседях Казаков как бы заранее принимал вызов, повторяя из “Руслана и Людмилы”:

Здесь русский дух,
Здесь Русью пахнет!

На Арбате жили Пушкин, Бунин, Алексей Лосев...

А вот ещё один голос, словно бы тоже в продолжение арбатской полемики, с рефреном: “Ты, русский, гражданин Арбата”. Для писателя

Бориса Зайцева это навсегда была “Улица св. Николая” — из-за трёх Никольских храмов, заливавших всё своим звоном, — так и называлось его эссе 1921 года (храмы взорвут в начале тридцатых).

В поэтичных причитаниях Зайцева есть что-то и от куняевского пафоса воздаяния Арбату, но через казни и выселения другой элиты, не советской, а дореволюционной: “Ты и шумел, и веселился, богател и беззаботничал — ты поплатился”; есть и странное ощущение вечной обречённости этой улицы на сочетание пёстрой легкомысленной суеты и причастности величию культуры; есть и то, что напрямую относится к семье Казакова, — заполнение “покоев важных”, когда происходила смена хозяев и “вся мастеровщина, туго жизнью пригнетённая, из щелей повыползала, из тёмных нор своих, и вверх задвигалась. «Попировали, и довольно! Нынче наш черёд!»”

С дворянином Зайцевым, глубоким стариком, встретится в Париже сорокалетний Казаков, сын мастерового, человек, родившийся из той, изгнавшей его собеседника, бури. Запишет разговор на плёнку и получит от него книгу¹, в которой прочтёт очерк об их улице.

Исходная геолокация жизни видится и случайной, и промыслительной.

Даже рождение ребёнка в этом месте — словно бы вызов предкам, обрыв деревенской дороги.

Родители Казакова вышли из крестьян.

Конечно, самым своим появлением на свет он уже стал зеркальцем русской революции, случившейся десятью годами ранее.

То, что в значительной степени вызвало и продолжило революцию, — превращение деревенского народа в городской.

Павел Гаврилович Казаков родился в 1901 году в деревне Пензево Дорогобужского уезда, Устинья Андреевна (Иустина Андриановна) Команенкова² — в деревне Букатино на берегу реки Яблоньки в 1898 году (но на два года уменьшила в документах свой возраст). Земляки по Смоленщине; Москва позвала их, ещё юных, на заработки. Поначалу Устинья жила у своей сестры Марфы, вышедшей замуж за купца. Сестра Павла Таисия была в услужении у немца-врача, имевшего частную клинику, а потом стала его женой.

О трудах, знакомстве и отношениях родителей Казаков написал рассказ, к несчастью, не сохранившийся.

Революция изменила правила собственности и принесла повсеместную “уплотниловку” — так семейная пара Казаковых получила комнату

1 Тихие зори. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1961.

2 В других записях эта фамилия: Каманенкова и Каманина.

в доходном, кофейно-кремово-праздничном доме, разбитом на коммуналки. Квартира 29 находилась на пятом, последнем этаже. Окно кухни выходило на Спасопесковский храм, окно комнаты — в сторону Вахтанговского театра. Ютились в пятнадцатиметровой комнате, разгороженной старой мебелью.

Дом, где они жили, особый. Сегодня зазывная реклама именуется его “украшением Арбата”, справедливо смакуя плавные линии фасада, узорчатые балконы и разнообразие эркеров.

В XIX веке на том же месте находился особняк с тем же адресом и множеством знаменитых жильцов, среди которых поэт Алексей Плещеев, при Николае Первом прошедший арест и ссылку, чьи стихи наверняка знал маленький Юра:

Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

Нынешний дом построен в 1904-м — восемь подъездов с квартирами. Здесь жили художник-реалист Сергей Иванов, путешественник и военный географ Пётр Козлов, тут же располагался ежегодник “Вся Москва” легендарного Алексея Суворина, переживший своего издателя, но переставший выходить в то время, когда списки жильцов, в том числе этого дома, уж слишком резко стали меняться.

В колодце казаковского двора — отгороженность от мира, чувство старины. Зайдя сюда, понимаешь, почему его так вдохновляли петербургские строения.

И конечно, этот дом всегда притягивал детвору, толпившуюся у витрин зоомагазина с рыбками и птичками. Открытый ещё при Российской империи, он сохранялся сквозь все эпохи.

На Арбате, в магазине,
За окном устроен сад.
Там летает голубь синий,
Снегири в саду свистят, —

писала в 1938-м Агния Барто про мальчика, которому удаётся убедить маму купить птицу с ярко-розовой грудкой. Тогда одиннадцатилетнему Юре было не до снегирей...

“Как жалею я иногда, что родился в Москве, а не в деревне”.

Это тоже его признание.

Там ли родился? Вечное сомнение, сменявшее городскую горделивость.

Его тянуло на Смоленскую землю, на Русском Севере он и вовсе открыл вторую родину, всё время куда-то ехал, забираясь подальше, поглубже, селился в старых избах, наконец обрёл собственный дом в лесу.

“Он был ясный”, — так отвечала Устинья Андреевна всем, кто спрашивал её о Юре в детстве.

Он помнил себя совсем маленьким, вернее, помнил ощущение защищённости и её пение: “У меня это осталось — голос матери, дремота от колыбельной, счастье тепла, засыпания, здоровья. Странно!”

На ранней семейной фотографии светлый малыш с полуулыбкой сидит на коленях отца, чей взгляд кажется отстранённо-туманным, а женщина, упёршаяся рукой в мужнино плечо, смотрит властно. Она и впрямь была волевой — глава семьи на все времена.

Благодаря матери он с детства жил среди народных обычаев, слов, лечений. Её речь цвела удивительными оборотами — своим протяжным голосом она рассказывала сказки. Вместе пели старинные песни. Читала она, правда, по складам.

В дом навевывалась деревенская родня, приезжала бабушка, чьи руки и чемодан источали особенный милый запах. С утра выпивала чашек пять чаю из привезённой с собой тёмной большой чашки и садилась гадать.

Юношей на Смоленщине он вдохнёт кладбищенские запахи разнотравья, и его затрясёт: “Комок стал у меня в горле, и теперь те поля и перелески, те облака и небо, те широкие пыльные дороги — моя родина”.

Было ли это связью с одним лишь крестьянством?

Возлюбленная Казакова Марина Литвинова вспоминала его маленькие ступни при большом росте, небольшие для мужчины руки, черты лица и форму головы и вообще необычность облика — аристократическая порода. Она ссылалась на рассказы Устиньи Андреевны о прабабке, крепостной красотке, подвизавшейся в доме князя Мещерского, от которого та и понесла.

И казаковской подруге Тамаре Жирмунской Устинья Андреевна говорила, толкая в бок и показывая на сына:

— Смотрите, какой профиль, Мещерский же!

Князь-поэт Николай Мещерский — внук историка Карамзина и брат консервативного литератора Владимира Мещерского. Кстати, оба брата были начисто лысы. Имение Николая Мещерского Дугино располагалось в Сычёвском уезде Смоленской губернии, том самом, где родилась мать Казакова. Вообще, если взглянуть в портретную галерею Мещерских, недавно вновь обрётённую, пожалуй, можно обнаружить сходство с Юрием Павловичем: лбы, уши, глаза.

Когда в начале семидесятых казахский прозаик Нурпеисов обиделся, что Казаков зовёт его “баем” и “мурзой”, тот успокоил: “Зови меня князем...”

А на одной из фотографий¹ сын сантехника так себя и подписал: “Князь Мещерский”.

— Я — Рюрикович! — твёрдо заявил он в конце семидесятых в охотничьей избушке².

Звучит несколько комично, в духе небезызвестного “Очень приятно, царь”, но в этом весь Казаков — быть о себе высочайшего мнения на грани потешного абсурда, переходящего в трагизм.

Вот и литературовед Владимир Турбин, казаковский ровесник, предполагал, что “в предыдущем воплощении” он наверняка был северным боярином с богатой озёрно-лесной вотчиной. А писатель Гарий Немченко и вовсе махнул в античность: “У него было лицо римского императора”.

История семьи и рода всегда занимала Казакова.

Литературовед Игорь Кузьмичёв, общавшийся с ним, говорит об образах предков, проглядывающих в его прозе: один — донской казак, после войны 1812 года получил землю в Смоленской губернии, другой — слепой странник и молитвенник...

Об этом ослепшем прадеде не раз слышали от Казакова многие — тот с мальчиком-поводырём ходил в Иерусалим, ко Гробу Господню, и, вернувшись спустя семь лет блужданий, ещё долго жил в деревне и умер древним старцем. Судя по метрикам, звали его Дементиём, происходил он из деревни Наливки.

По воспоминанию жены Казакова Тамары Судник, от слепого предка остался маленький кипарисовый складень — иконы на небольших створках, — и, взяв его в руки, Юрий Павлович всякий раз говорил о мечте тоже добраться до Святой земли.

Как не вспомнить вдохновлявшую его слепоту героев (музыкант в одном из ранних, утраченных рассказов “Подвиг”, старуха из “Северного дневника”, незрячий гончий пёс, пианист в “Проклятом Севере”) и страсть к дороге, готовность идти до изнеможения с утра до ночи по диким безлюдным пространствам...

Казаков хотя и любил княжескую легенду, всё же в автобиографии представлял себя первым книжным и просто образованным человеком в роду.

Едва его отец попал в Москву, жизнь сразу примагнитила к печатному слову — стал работником в типографии. Потом Павел Гаврилович

1 В 1959 году в Малеевке рядом с “русским Хемингуэем” Глебом Горышиным.

2 Литератору Николаю Старченко.

был плотником, сантехником, быстро, как выражался сын, пролетаризировался. Мама успела послужить нянькой в господских домах, после революции оказалась на каком-то военном заводе, где отравилась газом.

РОКОВОЕ ПИВО

Казаков не любил обращаться к детству: бедность, почти нищета. “В детстве я болел постоянно”. Он припоминал рюмку холодного пива, после которой из одной болезни его перенесло в другую. Сквозь жар и бред над ним приплясывали скелеты и дули ледяным дыханием. Мальчик перестал дышать, мать разбудила отца, закричала, чтобы бежал за врачом. Символично, что реанимировал ребёнка тоже алкоголь — влитый через сжатые зубки кагор.

Первые воспоминания были окрашены страхом. Например, грузовик казался чудовищем, которое хочет схватить и забрать у мамы.

Она рассказывала ему сказку о загадочных кабазах. Собака лаяла ночами, слыша, как эти злые существа поют: “Войдём в избушку, съедим старушку”, — и их отгоняя. А старик и старуха никого не видели, сердились, что пёс их будит, сначала отрубили ему лапу, потом хвост, на третий раз — голову, а тут и кабазы подоспели: ворвались в избушку и съели старика и старушку.

Он гулял с мамой в треугольном сквере на Собачьей площадке и рассматривал колонну с львиными головами, которые принимал за собачьи¹.

Устинья, или Туся, как называл её муж, иногда брала сына на Трёхгорный пивной завод, где работала в амбулатории. Маленький Юра бегал, лазил и играл в мрачном здании, похожем на каземат, с цехами и подвалами: пахло йодом, пивом, асфальтом, и спустя десятилетия ему снилось это зловещее место. Павел Гаврилович, монтёр в 5-й конторе Мосремонта, был мастером на все руки. Юре запомнилось из детства, как открыто и наивно, “по-смоленски” улыбался отец.

Мальчику было пять, когда отца увели.

Любитель залить за ворот, как-то после работы он задержался в пивной, где в компании рабочих заговорил о голоде в деревне, изъятии продовольствия у крестьян и Тамбовском восстании. Роковое пиво... Или не только пиво.

Кто-то донёс. 9 января 1933 года тридцатидвухлетний мужчина был арестован, а 15 января осуждён.

1 Собачья площадка уничтожена в шестидесятые годы при реконструкции Арбата.

Казаков Павел Гаврилович, русский, из кустарей, родители — безземельные крестьяне, образование низшее, монтёр по отоплению, осуждён тройкой полномочного представительства ОГПУ по Московской области за “антисоветскую агитацию” и приговорён к трём годам высылки.

Мотало по Северу, по лесоповалам и лесным комбинатам... Одним из первых мест его трудов стал Каргополь. Во время деревообработки повредил палец.

Нежелательный элемент для Арбата, в то время не просто проезжей, а режимной улицы, правительственной трассы. Здесь постоянно курсировал Сталин с Ближней кунцевской дачи в Кремль и обратно.

Юра с мистическим трепетом наблюдал движение лимузина сквозь ночь. Перед сном он воображал покушение на вожда, как тот выпадает из машины и стонет, однако и то, как его спасает, мысленно тащил к себе в комнату... Позже в неё набивалось всё благодарное Политбюро. Проси что хочешь...

Пока Юра подрастал, из его дома забирали людей. Расстреляны были семь жителей: врач-учёный, инженер, адвокат, два сотрудника наркоматов, директор Мособлпечатьсоюза, школьный учитель.

Семью опутала печаль, но мать не сдавалась. Хваткая и решительная, она делала всё, чтобы поставить сына на ноги и вывести в люди. Её опека простиралась на судьбу Казакова до самого конца. Она жила с ним под одной крышей (и пережила его), вела хозяйство, переезжала за ним в разные места, круто разбиралась с его женщинами. Казаков, со всей своей мужицкой уверенной силой, всегда оставался “при маме”.

В 1937-м и 1938-м он жил и учился в школе в Загорске, куда его вывезла мать — в те же места, где им спустя десятилетия суждено будет заканчивать жизнь. Там на строительстве оптико-механического завода находился Павел Гаврилович, которого потом перекинут опять подальше от дома.

Казаков вспоминал, что завод строили “пердячим паром”, грунт из котлованов вывозили на лошадях, кирпичи таскали на спинах. Он выпрашивал у матери деньжонки и покупал дешёвые тонкие папироски “Красная звезда”. С мальчишками вертелся на конском дворе, и в обмен на табак возчики доверяли им лошадей — купать или забирать в ночное. Позднее он понял, что этим только делал жизнь мужиков легче.

Об учёбе в Загорске — его юношеские тетрадные записи. Мальчик попадает в чужую школу, где ему кричат: “Новенький! Конопатый!”

Ребята плюют вниз с лестницы, пытаясь попасть в бумажный комок. — Слюней нет, — жалуется один из них хриплым голосом.

— А ты о кислом думай, о лимоне, — советует будущий писатель. — Как будто лимон ешь.

За окном он видит мать. Она жалобно смотрит вверх, но он знает, что она не может ничего увидеть, потому что близорука. Ему становится досадно и неприятно, и он направляется к печке. Там малыши играют в “пристенки”: бросают монетки о стену. Когда монетка отлетает ему в ногу, паренёк с раскосыми глазами командует: “Отойди, зараза!” — и новенький отходит, покраснев.

“ВОЗДУХ БЫЛ КРАСНЫМ”

Ему было тринадцать, когда началась война.

Как и многие подростки тех лет, ночью он дежурил на крыше, чтобы сбрасывать “зажигалки”.

В июле 1941-го стал свидетелем потрясшей его картины. Фугасная бомба попала в Театр Вахтангова, расположенный рядом.

Страшный сокрушительный удар. Погибли люди, среди них — два дежуривших на крыше артиста.

Сын писателя Алексей рассказал мне, что отец не раз вспоминал, как на его глазах авиабомба падает на красивое здание и, словно в замедленной съёмке, пробивает одно перекрытие за другим, а потом, разорвавшись, оставляет руины.

Об этом же — в повести, которую он писал всю жизнь.

Всё накрыла взрывная волна. Его отшвырнуло, чуть не сбросило с крыши, ударило о трубу и этим спасло. Он потерял сознание.

Очнувшись, он шёл по озарённому пожаром Арбату среди осколков, обломков и кровавых тел. Убитые, раненые, крики, стоны... “Воздух был красным”. “Вспоминаю эту ночь, всю как бы в красном свете”, — вторила Казакову Людмила Целиковская, народная артистка, тогдашняя студентка, уже игравшая в Вахтанговском и спасающаяся в его подвале.

С тех пор Казаков боялся высоты (и взрослым продолжал бояться, радуясь, что страх не передался сыну). А сны про бомбёжку мучили по ночам.

К нему кинулась всклокоченная мать с мокрыми от слёз очками:

— Сы... Сыно-чек! Га! Жив? Жив? А мне сказали... Га!

Это же вспоминала Устинья Андреевна, которая бегала по Арбату в поисках Юры и обнаружила его, оглушённого, ошалелого, от ужаса нажавшего в штаны.

В той повести появлялась их ослепительная соседка Наталья Андро́сова, праправнучка Николая Первого, последняя из семьи Романо-

вых в СССР. Она жила в подвале соседнего дома 32 и была на десять лет старше. Князь и княгиня... Она тоже дежурила на крыше и тушила “зажигалки”. Герой-подросток направил пристальный взгляд туда, где под узкой военной юбкой “нежно светились ноги в шёлковых чулках”, и почувствовал “горячий толчок” и одновременно “царапину первой детской ревности” к тому, кто с ней. Казакову зачем-то понадобилось убить её немецким налётом: “откинутая и вывернутая нога”, “всё было задрано до живота”... Андросова прочитала это уже после смерти соседа, которого помнила и даже принимала дома, и не обиделась, пожелав ему Царствия Небесного. Она хорошо знала творческих людей.

Прирождённая спортсменка, в детстве она скакала на лошадях, в тридцатых участвовала в физкультурпараде на Красной площади. Изабражая античную статую дискобола, императорская потомка проплыла на платформе перед Мавзолеем и взирающим с него вождём. Юрий Нагибин называл её “королевой Арбата”. В высоких крагах она носилась по Арбату и Садовому кольцу на красном мотоцикле “индиан-скаут”, и ей козыряли милиционеры. Полёт продолжался в аттракционе “Тонки по вертикали” в парке Горького по стенам специального деревянного сооружения, напоминавшего бочку. Казаков в толпе зрителей с трибуны, расположенной сверху, наблюдал это страшное чудо, эти смертельные трюки, опасные зигзаги, когда она, “выписывая эллипс своей судьбы”, поднималась всё выше, набирая всё большую скорость, — бледная, с развевающимися рыжими локонами. Она осталась в городе, к которому подступали немцы, несмотря на возможность эвакуации, работала водителем “полуторки”. Потом вернулась в мотогонки, где падала, разбивалась (однажды ей и впрямь изувечило ногу, из колена торчали кости), но не сдавалась и покоряла вертикаль до 1967-го. Вознесенскому она призналась, что, летая по стене, читает про себя стихи.

В свою последнюю весну, в 1982-м, Юрий Павлович приведёт сына-подростка в парк Горького — показать то, что завораживало когда-то: мотогонки по стенам.

Осень первого года войны: осаждённая опустевшая Москва, патрули, паника, пепел от сожжённых бумаг, немецкие листовки, “как снег, с неба, и в листовках — обещания сладкой жизни”.

Юра провёл в Москве всю войну и подрастал на её фоне. Он говорил, что время было гнетущее ещё из-за того, что всё происходило на территории огромного города, погружившегося во тьму, миллионы людей опрокинуло в ненормальную жизнь, и дети сравнивались в страдании со взрослыми.

“Вся жизнь моя прошла при карточках”, — казалось ему, едва он оборачивался на детство, в котором почти не было игрушек, но особен-